ПРАКСЕОЛОГИЯ (греч. *praxis* - действие) - философская концепция деятельности, имеющая в настоящее время статус программно-концептуального проекта; проект П. как специальной научной дисциплины, презентующей общую теорию организации деятельности, предложен Котарбиньским (см.).

Программа П. была призвана синтезировать идущие от нужд практической деятельности разработки в области (научной) организации труда, интерпретируя в своем содержании их общие схемы и принципы, разработанные в методологии и логике науки. Проект изначально мыслился как носящий метатеоретический и методологический характер, как общая "грамматика действия", упорядочивающая праксеологические отношения (по аналогии с общей грамматикой языка). Он предполагал три соотносимых уровня анализа: 1) типологии действий и построения системы категорий (понятий), 2) разработки эффективных нормативных систем действия, позволяющих погружать рассматриваемую проблематику в конкретно-исторические социокультурные контексты, 3) критику истории развития человеческих действий с точки зрения их технических достоинств и критику методов, применяющихся в этих действиях в настоящее время.

Центральное понятие П. - понятие метода, что способствует превращению ее самой в общую методологию. Котарбиньский неоднократно предпринимал попытки придать П. дисциплинарный статус - прежде всего в "Трактате о хорошей работе" (первое издание - 1955, второе (с которого сделано большинство переводов) - 1958; первая версия работы погибла во время Варшавского восстания 1944), однако основное влияние на современное социально-философское знание П. оказала, скорее, своими теоретико-методологическими посылками, восприятием ее как особой области внефилософских междисциплинарных анализов. Показательно, что попытки дисциплинарной разработки П. привели к оригинальной концепции теории организации и управления Я. Зеленецкого, но сняли ряд методологических проблем, заложенных в ее первоначальный проект основателем П. (аналогичные последствия имели попытки ее переистолкования с позиций кибернетики).

К вопросам П. Котарбиньский обращался и в ряде других своих работ: "Очерки о практике" (1913); "Понятие внешней возможности действия" (1923); "Об отношении возможности действия" (1923); "Об отношении виновности" (1925); "Действие" (1934); "Из проблем общей теории борьбы" (1938); "О сущности и задачах общей методологии" (1938); "Принципы рациональной организации деятельности" (1946); "Праксеология" (1947) и др. С пропагандой и развитием идей П. во многом связан весь последний (послевоенный) период творчества

Котарбиньского. Свою теорию он мыслил как синтез накопленных в истории знания

праксеологических идей (будучи известным историком философии и логики, он сам же дал и развернутый анализ некоторых из них). Среди работ по организации труда, легших в основание П., Котарбиньский называл прежде всего идеи и работы Ф.У. Тейлора, Г.

Форда, А. Файоля, С. Томпсона, Ж. Гостеле и др. Ссылался он и на польскую традицию "философии действия", прослеживаемую с середины 19 в.

Основными философскими основаниями П. являются, по Котарбиньскому, прагматизм (в том числе и в версии инструментализма), "второй" позитивизм (прежде всего концепция всеобщей организационной науки - тектологии (см.) - Богданова - см.), марксизм (см.); праксеологом Котарбиньский считал и Дж.Г. Мида (см.), но отмечал, что мало знаком с его концепцией. Что касается марксизма, то его влияние на П., как и на все творчество Котарбиньского, - двойственно. Несомненно, марксизм импонировал ему акцентированием действенной, преобразующей позиции по отношению к действительности, из марксизма в П. была заимствована сама идея практического отношения к миру, но протрактована она была, скорее, в неомарксистском ключе. В этом отношении важно заметить, что среди праксеологических теорий Котарбиньский называет концепцию структуры событий Г. Петровича - одного из основных авторов югославского журнала "Праксис", разрабатывавшего собственную версию неомарксизма (см.).

Кроме того, в условиях послевоенной Польши такая переинтерпретация идей Маркса в целом оппонировала его упрощенным практикуемым формам. Однако при всем многообразии возможных источников и параллелей праксеологических идей основополагающими для становления П. стали интенции философской и логической доктрины самого Котарбиньского (в частности, стремление смягчить номиналистическую ориентацию его концепции реизма).

П. как общая методология рассматривает способы деятельности (в том числе и мыслительной) с точки зрения их практических свойств, т.е. в смысле их эффективности. Для того, чтобы быть эффективной, деятельность должна являться результативной, продуктивной или плодотворной (т.е. достигать поставленной цели), "правильной" (точной, адекватной, т.е. максимально приближаться к задаваемому образцу - норме), "чистой" (т.е. максимально избегать не предусмотренных последствий и ненужных добавочных включений), "надежной" (приемы деятельности тем более надежны, чем больше объективная возможность достижения этими приемами намеченного результата) и последовательной. Фактически, основной критерий практической "успешности" действия - его целесообразность. Трактовка Котарбиньского оказывается, таким образом, близкой стратегии целерационального действия М. Вебера (см.), однако, по Котарбиньскому, действие может быть оценено и как безразличное с точки зрения определенной цели, т.е. как нецелесообразное, но не как

противоцелесообразное. Отсюда - акцентирование среди аспектов эффективности действия его "правильности" ("неправильности"), подлежащей закреплению в вырабатываемых и закрепляемых в П. нормах, позволяющих согласовать плюральность реальных образцов деятелей с идеальным образцом (накапливаемого обыденного опыта и сознательно избираемых стратегий).

В целом, согласно Котарбиньскому, действие тем более рационально, чем лучше оно приспособлено ко всей сумме наличных обстоятельств.

Однако это рациональность в вещественном смысле. Рациональность же должна быть понята и в методологическом смысле, который "мы имеем в виду тогда, когда признаем благоразумным или рациональным поведение данного индивидуума, если он поступает соответственно имеющимся у него знаниям, а под имеющимися знаниями мы здесь понимаем сумму всех тех информации, которым, учитывая способ их обоснования, этот индивидуум должен приписать достаточную правдоподобность, чтобы поступить так, будто они были истинными (во всяком случае до тех пор, пока не будет обосновано обратное)".

Иррационализм поступка в вещественном смысле прямо связан с характером привлекаемого для его осуществления знания (часто недостаточного для реализации какой-либо цели).

Однако имеют место и парадоксальные случаи рациональной практической ошибки (которая суть производство импульса, не соответствующего цели, в крайнем случае - противоцелесообразного), равно как и случаи успешности действия вопреки его иррациональности (связанной с теоретической ошибкой, или ошибкой мышления - принятием ошибочного суждения). Отсюда требования "надежности" и последовательности, тесно связанные с оценками осторожности, смелости и рискованности поступка.

В этой связи Котарбиньский вводит еще два важнейших для П. концепта: "виновник действия" и "техника борьбы". "Виновник" - тот, кто вызвал воздействие, существенное и достаточное среди условий для данного изменения (иначе - тот и только тот, чье произвольное действие является причиной данного события).

В этом смысле человек суть "виновник" не только преднамеренных следствий, но также и тех, которые он вызвал, не желая этого (но никогда не бывает "виновника" без произвольности - а не необходимости - самого действия). Однако в социальной жизни

часто "виновником" одного и того же события является более, чем одно лицо. В этих случаях "умышленное действие каждого из них является существенной составной частью достаточного условия этого события".

При этом возможно два типа взаимодействия (кооперации) людей: положительная (сотрудничество) и отрицательная (борьба); более универсален второй тип взаимодействия. Борьба - это "любое действие с участием по крайней мере двух субъектов (исходя из предпосылки, что и коллектив может быть субъектом), где по крайней мере один из субъектов препятствует другому". Ее бóльшая "универсальность" связана с тем, что вынуждает учитывать действия "другой" стороны, т.е. включать в свою стратегию элементы сотрудничества, с одной стороны, и активизировать собственный творческий потенциал - с другой. Котарбинский предлагал даже проект разработки особой теории отрицательной кооперации - агонологию (греч. - "взаимная борьба").

Особенно важна в общем контексте проблематики П. актуализация творческого (инновационного) потенциала деятелей, т.к. в результате снимаются существовавшие ранее ограничения на конкретные (слишком рискованные до этого) действия и расширяется поле возможности субъектов, а в случае "борьбы" к инновационному преодолению "трудностей" принуждает сама ситуация взаимодействия. Однако движение в этом направлении приводит к "парадоксам прогресса". Нарастают требования к инструментальному и интеллектуальному оснащению действия, оно качественно усложняется и требует все более глубокого анализа отношений "виновности" для своей эффективной реализации.

Теперь уже культура, вобравшая в себя предшествующие достижения, начинает продуцировать принудительные ситуации (и соответственно социальная активность все больше превращается в культурную активность). "Вес культуры возрастает вместе с накоплением ее элементов.

Все больше приходится учиться, все больше нужно запоминать, чтобы быть на ее уровне, а тем более, если возникает желание продвинуться в этой области". Этот феномен Котарбинский называет "инициативной препаратией". Деятельность по систематическому усвоению уже накопленного дает преимущество перед творческим усилием, если последнее пренебрегает инициативной препаратией.

"Груз" культурного наследия одновременно затрудняет "овладение целым", - отсюда главное требование прогресса в современном обществе: "освободиться от потерявших значение элементов культуры". Еще одна возникающая по мере "инновационного накопления" проблема - рост опосредующих инструментальных действий, не

позволяющих непосредственно достигать формулируемых целей и требующих сложного кооперирования систем действий внутри все более расширяющегося социального целого. Тотальность начинает довлеть над индивидуальностью, возвращая ее к выполнению специализированной частичной (пусть и на качественно ином уровне, чем это было, например, при конвейерной форме организации труда) функции. Соответственно возникает "проблема границ специализации, оптимум которой не обязательно равен максимализму", и поиска новых технологий работы со знанием, новых механизмов его структурирования для рационализации действий в методологическом смысле слова (в этом контексте Котарбинский дает развернутые анализы целого ряда таких технологий: активизации, автономизации, инструментализации, антиципации, интеграции, имманентизации, программатизации и т.д.). Таким образом, круг проблем, поднимаемых Котарбинским в связи с обсуждением проекта П., далеко выходит за рамки ее как возможной дисциплины, затрагивая основополагающие темы постнеклассической науки и методологии как особого типа знания.

В.Л. Абушенко